

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И «КЛАССОВАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ».

Начнем с примера.

Читатели помнят, вероятно, какой шум вызвал доклад орловского губернского предводителя дворянства, М. А. Стаховича¹, на миссионерском съезде о необходимости признания законом свободы совести. Консервативная печать, с «Моск. Вед.» во главе, рвет и мечет против г. Стаховича, не зная как и обругать его, обвиняя чуть ли не в государственной измене всех орловских дворян за то, что они снова выбрали г. Стаховича в предводители. А этот выбор — действительно поучительное явление, приобретающее до известной степени характер дворянской демонстрации против полицейского произвола и безобразия.

Стахович — уверяют «Моск. Вед.» — «не столько предводитель дворянства, сколько Миша Стахович, весельчак, душа общества, красноба...» (1901 г. № 348). Тем хуже для вас, господа защитники дубины. Если уже даже весельчаки - помещики заговорили о свободе совести, значит несть поистине числа тем гнусностям, которые чинят наши попы с нашей полицией. — ... «Какое дело нашей „интеллигентной“ легкомысленной толпе, порождающей и рукоплещущей гг. Стаховичам, до нашей святыни, православной веры и до наших заветных к ней отношений?» ... Опять - таки: тем хуже для вас, господа защитники самодержавия, православия, народности. Хороши же должны быть порядки нашего полицейского самодержавия, если оно даже религию настолько пропитало духом кулузки, что «Стаховичи» (не имеющие никаких твердых убеждений в религиозных вопросах, но заинтересованные, как увидим ниже, в прочности религии) проникаются полным равнодушием (если не ненавистью) к этой пресловутой «народной» святыне! — ... «Они нашу веру называют заблуждением!! Они издеваются над нами за то, что мы, благодаря этому „заблуждению“, боимся и бежим греха, исполняем безропотно наши обязанности, как бы тяжелы они ни были, за то, что мы находим силы и бодрость переносить горе, лишения и чувствуем гордость при удачах и в счастье» ... Вот в чем суть - то! Святыня православия тем дорога, что учит «безропотно» переносить горе! Какая же это выгодная, в самом деле, для господствующих классов святыня! Когда общество устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит «лишения» и несет «тяжелые обязанности», то вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей «безропотно» переносить земной ад ради небесного, будто бы, рая. В пылу усердия «Моск. Вед.» начинают проговариваться. И они проговорились

до такой степени, что нечаянно правду сказали. Слушайте дальше: ... «Они и не подозревают, что, благодаря тому же „заблуждению“, они, гг. Стаховичи, едят сытно, спят спокойно и живут весело».

Святая истина! Именно так, именно благодаря громадному распространению в народных массах религиозных «заблуждений», «спят спокойно» и Стаховичи и Обломовы и все наши капиталисты, живущие трудом этих масс, да и сами «Моск. Вед.». И чем больше будет распространяться просвещение в народе, чем более религиозные предрассудки будут вытесняться социалистическим сознанием, тем ближе будет день победы пролетариата, избавляющий все угнетенные классы от их порабощения в современном обществе.

Но, проговорившись в одном пункте, «Моск. Вед.» слишком дешево отделались от другого интересного вопроса. Они явно заблуждаются, думая, что Стаховичи «не подозревают» указанного значения религии и требуют либеральных реформ просто по «легкомыслию». Такое объяснение враждебного политического направления уже очень ребячески - наивно! А что г. Стахович в данном случае явился именно глашатаем целого либерального направления, — это лучше всего доказали сами «Моск. Вед.»: иначе к чему было поднимать целый поход против одного доклада? К чему было говорить не о Стаховиче, а о Стаховичах, об «интеллигентной толпе»?

Это заблуждение «М. Вед.» есть, конечно, корыстное заблуждение. «М. Вед.», разумеется, больше не желают, чем не умеют, применить классовую точку зрения к анализу ненавистного им либерализма. О нежелании нечего и говорить. А вот неумение представляет для нас большой общий интерес, ибо этим грехом страдают весьма многие революционеры и социалисты. Страдают им и авторы письма в № 12 «Искры», обвиняющие нас в отступлении от «классовой точки зрения» за то, что мы в своей газете стараемся следить за всеми проявлениями недовольства и протеста либералов; — и авторы «Пролетарской борьбы» и некоторых брошюр «Социал-Демократической Библиотеки», воображающие, что наше самодержавие есть самодержавное господство буржуазии; — и Мартыновы, зовущие нас от всесторонней обличительной кампании (т. е. от самой широкой политической агитации) против самодержавия к преимущественной борьбе за экономические реформы (давать «положительное» рабочему классу, выставляя от его имени «конкретные требования» законодательных и административных мероприятий, «сулящие известные осязательные результаты»); — и Надеждины, с недоумением спрашивающие по поводу наших корреспонденций о статистических конфликтах: «господи, да не для земцев ли этот орган?»

Все эти социалисты забывают, что интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах

и только с известными интересами имущих классов, и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятие интересы всей буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию. Если, напр., самодержавие гарантирует буржуазии возможность применять самые грубые формы эксплуатации, то, с другой стороны, оно ставит тысячи препятствий широкому развитию производительных сил и распространению просвещения, возбуждая этим против себя не только мелкую, но иногда и крупную буржуазию; если самодержавие гарантирует (?) буржуазии охрану от социализма, то, с другой стороны, эта охрана необходимо превращается, при бесправии населения, в такое полицейское бесчинство, которое возмущает всех и каждого. Каков результат этих противоположных тенденций, каково соотношение консервативного и либерального настроения или направления в буржуазии в данный момент, — этого нельзя вывести из пары общих положений; это зависит от всех особенностей общественно-политической обстановки в данный момент. Для определения этого необходимо детально знать эту обстановку, внимательно следить за всеми и всякими столкновениями с правительством какого бы то ни было общественного слоя. Именно в силу «классовой точки зрения» непозволительно социал-демократу оставаться безучастным к недовольству и протестам «Стаховичей».

Названные же социалисты и своими рассуждениями и своей деятельностью доказывают свое безучастие к либерализму, обнаруживая этим непонимание основных положений Коммунистического Манифеста, этого «евангелия» международной соц.-демократии. Вспомните, напр., слова о том, что буржуазия сама дает материал для политического воспитания пролетариата своей борьбой за власть, столкновением отдельных своих слоев и групп и пр. Только в свободных политических странах этот материал достается пролетариату сам собою (да и то только отчасти). В рабской же России мы, социал-демократы, должны активно работать над доставлением рабочему классу этого «материала», т. е. должны взять на себя задачу всесторонней политической агитации, всенародной обличительной кампании против самодержавия. И эта задача особенно настоятельна в периоды политического брожения. Надо помнить, что за год политического оживления пролетариат может научиться, в смысле революционного воспитания, большему, чем за несколько лет затишья. Вот почему особенно вредна тенденция указанных социалистов сознательно или бессознательно суживать размах и содержание политической агитации.

Далее, вспомните слова о поддержке коммунистами всякого революционного движения против существующего строя. Эти слова часто понимают слишком узко, не распространяя их на поддержку либеральной оппозиции. Не следует, однако, забывать, что бывают эпохи, когда всякое столкновение с правительством на почве прогрессивных общественных интересов, как бы мелко оно само по себе ни было, может при известных условиях (а наша поддержка есть одно из этих условий) разгореться в общий пожар. Достаточно напомнить, в какое общественное движение разрослось

в России столкновение студентов с правительством на почве академических требований или во Франции столкновение всех прогрессивных элементов с военщиной на почве одного, решенного путем подлогов, судебного дела. Вот почему наш прямой долг разъяснять пролетариату, расширять и, путем активного участия рабочих, поддерживать всякий либеральный и демократический протест, будет ли он проистекать из столкновения земцев с м-вом вн. дел, или дворян с ведомством полицейского православия, или статистиков с помпадуром, крестьян с «земскими», сектантов с урядниками и проч. и проч. Кто морщит презрительно нос по поводу мизерности некоторых из этих столкновений или «безнадежности» попытки раздуть их в общий пожар, тот не понимает, что всесторонняя политическая агитация есть именно фокус, в котором совпадают насущные интересы политического воспитания пролетариата с насущными интересами всего общественного развития и всего народа в смысле всех демократических элементов его. Наш прямой долг вмешиваться во всякий либеральный вопрос, определять свое, социал-демократическое отношение к нему, принимать меры к тому, чтобы пролетариат активно участвовал в решении этого вопроса и заставлял решать его по-своему. Кто сторонится от такого вмешательства, тот на деле (каковы бы ни были его намерения) пасует перед либерализмом, отдавая в его руки дело политического воспитания рабочих, уступая гегемонию политической борьбы таким элементам, которые в конечном счете являются вожаками буржуазной демократии.

Классовый характер соц.-демократического движения должен выражаться не в сужении наших задач до непосредственных и ближайших нужд «чисто-рабочего» движения, а в руководстве всеми сторонами и всеми проявлениями великой освободительной борьбы пролетариата, этого единственного действительно-революционного класса современного общества. Социал-демократия должна всегда и неуклонно расширять воздействие рабочего движения на все сферы общественной и политической жизни современного общества. Она должна руководить не только экономической борьбой рабочих, но также и политической борьбой пролетариата, она должна ни на минуту не упускать из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т. е. марксизм. Мы должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась. Названные нами выше социалисты отступают от «классовой» точки зрения также потому и постольку, поскольку они безучастны к задаче борьбы с «критикой марксизма». Только слепые люди могут не видеть, что эта «критика» всего быстрее привилась в России и всего торжественнее подхвачена русской либеральной публицистикой именно потому, что она является одним из элементов складывающейся буржуазной (теперь уж сознательно буржуазной) демократии в России.

Что касается политической борьбы в особенности, то именно «классовая точка зрения» требует, чтобы пролетариат подталкивал вперед всякое демократическое движение. Рабочая демократия своими политическими требованиями не принципиально, а только по степени отличается от буржуазной демократии. В борьбе

за экономическое освобождение, за социалистическую революцию, пролетариат стоит на принципиально ином базисе и стоит одиноко (мелкий производитель лишь постольку, поскольку он переходит или готовится перейти в ряды пролетариата, придет ему на помощь). В борьбе же за политическое освобождение у нас много союзников, безучастно относиться к которым непозволительно. Но в то время, как наши союзники из буржуазной демократии, борясь за либеральные реформы, всегда будут оглядываться назад, стараясь устроить дело так, чтобы им можно было попрежнему «есть сытно, спать спокойно и жить весело» на чужой счет, пролетариат пойдет вперед без оглядки до самого конца. Когда какие-нибудь гг. Р. Н. С. (автор предисловия к записке Витте) будут торговаться с правительством о правах властного земства или о конституции, мы будем бороться за демократическую респубliku. Не забудем только, что для того, чтобы подталкивать другого, надо всегда держать руку на плече этого другого. Партия пролетариата должна уметь ловить всякого либерала как раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок, и заставлять его двинуться на аршин. А упрется, — так мы пойдем вперед без него и через него.

[Н. Ленин]

БЕЗРАБОТИЦА В ПЕТЕРБУРГЕ.

Нигде в России не скучено в одном месте столько фабр.-заводских рабочих, как в Петербурге, нигде не проявляются характерные черты пролетариатской среды (чувство солидарности, чувство собственного достоинства, стремление к знанию и к свободе) так ярко, как среди массы петербургских рабочих, и в то же время нигде политический гнет не опутал всю жизнь рабочих такою густою сетью шпионства и предательства.

День за днем тяжелой работы в той угнетающей и разрушающей силе и здоровье обстановке, которою характеризуются все фабрики и заводы в России; громадное число сверхурочных часов, от которых отказываться не полагается, — все это высасывает последние силы. Рабочие жмутся друг к другу, чувствуя, что только общими усилиями могут они отстаивать свои интересы. Эта тяжелая жизнь разнообразится картинами пьяного разгула. Ни книжки хорошей, ни честной газеты... Иногда только осветит на время эту жизнь попавшая в руки прокламация или номер нелегальной газеты, который напомнит, что есть где-то другая жизнь, полная борьбы за свободу*, иногда на том или другом заводе всколыхнется масса под впечатлением какого-либо слишком возмутительного насилия над товарищем или слишком ужасного «несчастливого случая» на заводе. Подымутся рабочие, потребуют у администрации отчета, заставят выслушать себя, заставят, быть может, уступить, — а потом опять та же гнетущая работа, те же серые будни, те же унижения...

Глухое недовольство бродит где-то внутри. Хочется понять жизнь свою, столкнуться с товарищами, погово-

рить о том, что просыпается в душе. В бога сколько-нибудь сознательный рабочий не верует, — он слышал кое-что про науку, но связать в одно целое то, что ему удалось прочитать или услышать, он не в силах. Страстно цепляется он за каждую новую мысль и сейчас же старается передать ее другим. На этой почве и создаются кружки в рабочей среде.

Во многих кружках устраиваются библиотеки, выпиваются легальные газеты и журналы. В одном месте увлекаются такими романами, как «Овод» Войнич, и зачитывают «Ткачей» Гауптмана, «Дурных пастырей» Октава Мирбо, стараются достать «Подпольную Россию», Лас-сала или «Что делать?» Чернышевского, — в другом читают Богданова, Липперта, «Эрфуртскую программу», но везде и всегда на первом плане нелегальные брошюры и книги. Иногда кружки требуют интеллигента для руководства, иногда предпочитают разбираться самостоятельно, иногда кто-нибудь из рабочих берется руководить занятиями. Я знал рабочего, которому удалось достать свидетельство от доктора и таким образом освободиться от вечерних и ночных работ; он ночи просиживал над книгами и излагал затем содержание прочитанного в двух кружках.

Иногда кружки сознательно, «страха ради полицейска», уклоняются от «рабочей организации», хотя и хватают, где только могут, нелегальную литературу. Есть даже такие кружки, которые примыкают к легальной петербургской кассе взаимопомощи, в которую, по уставу, могут поступать не одни только рабочие, как в харьковской кассе, но и все желающие. Касса эта не удовлетворяет рабочих, они ругают ее нещадно, влчит она самое жалкое существование, — но все же «Союзу Борьбы» следовало бы обратить на нее внимание; это предприятие отвлекает иногда, хотя и не надолго, довольно ценные силы.

Остальные кружки или примыкают к рабочей организации или находятся под влиянием ее членов. Через эти кружки проходит вся нелегальная литература, ими распространяются и расклеиваются прокламации. Здесь вырабатываются серьезные агитаторы, организующие новые кружки и пользующиеся в своей среде большим влиянием. Из них выбираются представители в центральную организацию.

В легальные школы и библиотеки идет сравнительно немного рабочих, так как правительство вымело отсюда все, что может увлекать их. Петербургские рабочие уже привыкли с насмешкой относиться ко всему, что делается с «дозволения начальства»: лживыми словами и ласковой улыбкой их никуда не заманишь. Напрасно гг. Торнтоны думают смягчить «неблагодарных рабочих» елками и гуляньями, а слащавые попы составляют свои холуйские лекции и проповеди, способные только вызывать среди рабочих смех или негодование.

Нет ни минуты, когда бы петербургский рабочий не чувствовал над собой заботливой опеки попечительного начальства. У ворот завода «фараон», на дворе наряд жандармов, в мастерских сторожа и мастера, в каждом углу по Иуде-предателю, шпионы на улицах, в школах, в библиотеках. Даже дома выстроены будто бы по плану жандармского управления: всюду тонкие перегородки, часто даже не доходящие до потолка; даже на «вольных» квартирах рабочие не могут себя чувствовать «как

* В среднем среди рабочих в Петербурге распространяется 4—5 пудов литературы в месяц. Она распространяется далеко неравномерно и попадает не на все заводы и фабрики.

дома», опасаясь хозяев, дворников и соседей. Но все это кажется раем в сравнении с тем, как приходится жить фабричным в казармах. Здесь нельзя даже читать вслух, здесь подозрительным кажется всякий, имеющий книги, сюда трудно пронести что-нибудь: и при входе и при выходе дворник может вас обыскать*.

И зарождается сам собою вопрос: неужели конца этому не будет? Неужели всегда будет продолжаться эта тягота?

Но эту тяготу сменяет другая, еще более тяжелая: на плечи рабочих опускается промышленный кризис. Картина их жизни быстро меняется. До сих пор они чувствовали свою силу и знали, что в них нуждаются, что, забастовав, они могут дать отпор хозяйским претензиям или проучить слишком зарвавшегося мастера. Можно было рисковать местом и на оскорбление отвечать оскорблением. Спешная работа, наполняя весь день, отвлекала внимание, день быстро сменялся другим днем, и, казалось, конца не будет этой суете.

Теперь сама почва заколебалась под их ногами. Мучительно долго тянутся часы, когда приходится стоять перед пустыми тисками. Отойти нельзя, присесть невозможно: мастер пользуется всяким предлогом, чтобы потянуть к расчету. Рабочий чувствует себя так, как будто он провинился в чем-либо перед мастером. Он не смотрит в глаза мастеру, он знает, что он не нужен более, что он бессилен, что мастер может как ему угодно издеваться над ним. Расценки понижаются: не выработаешь и половины прежней полочки; протесты и стачки не ведут ни к чему. Всякий знает, что работы нигде найти нельзя, что за воротами стоят десятки безработных, что полиция сотнями высылает их на родину. Он знает все это, и невыносимым кажется ему его положение, ненавистными делаются ему эти закопченные стены, которых он раньше не замечал, эти грязные окна, в которые он смотрит будто бы в первый раз. Он вспоминает, что в этих условиях протекла вся жизнь его, полная рабских унижений, бестолковая, беспросветная. А что ждет впереди? «Нет, лучше совсем не жить, чем жить так!».

Жизнь в кружках также резко изменилась: рабочие уже не занимаются изучением «форм заработной платы», не читают любимой брошюры «О штрафах» — не тем занята голова. Собрания делаются чаще и многолюднее. Раздаются горячие речи о рабочем движении, о социализме, насмешки и ругательства по адресу правительства. Выдвигаются новые лица, сознательность которых раньше никто и не подозревал. Возникают новые кружки. Старые кружки, стоявшие до сих пор в стороне, стараются примкнуть к общему движению и к организации.

Кружки смешиваются друг с другом, расплываются в общей массе. Настроение охватывает и старого и малого. Прокламации дерзко разбрасываются и расклеиваются чуть не под носом у растерявшихся дворников. Наиболее энергичные рабочие, которых в Петербурге называют «орлами», приобретают все большее влияние на массу.

* Все это приводит к тому, что даже для простых кружковых собраний рабочей организации приходится устраивать «конспиративные квартиры». Квартирный вопрос является самым жгучим вопросом петербургской организации.

В сознании рабочих возникает громадная картина торжествующего зла и насилия, и страшная жажда борьбы и мести прорывается наружу. Перед всеми возникает вопрос: «что делать?», все требуют немедленного решения его, требуют и от «орлов» и от интеллигентов.

Расценки, между тем, продолжают понижаться: выработка понижается с двадцати-тридцати рублей до пятнадцати, до десяти в две недели. «Не нравится,—смеется мастер,—иди на другой завод, там больше дают». Рабочих рассчитывают, отъезжающим на родину устраивают проводы, по мастерским открыто собирают деньги в их пользу.

А фабричным еще труднее: рвется гнилая нитка, ноет грудь от вонючей пыли, а выработаешь в месяц восемь-шесть рублей, иногда четыре, иногда еще меньше. Питаются одним «постным» чаем с черным хлебом,—хорошо, если можно луком скрасить эту неидущую в рот пищу. Но и здесь за воротами стоят кучами оборванные ткачихи, ожидая мастера, чтобы просить у него, как милости, какой-нибудь работы. Исхудалые девушки просят у своих прежних товарищей «ради Христа», с завистью провожая их глазами до ворот фабрики.

Бледные, нервные, с блестящими глазами идут рабочие из вонючих казарм на пыльную фабрику и обратно. Тысячи мыслей сверлят мозг, и нет им ответа. В казармах уже не обращают внимания на сторожей и шпионов: сбиваются в кучи, громко разговаривают, прорываются дикими ругательствами. «Что же теперь? Неужели так здесь и околевать придется?» И глухая злоба скопляется в груди, гнетет и мучает. Эти люди на все пойдут, все могут, потому что все смеют...

Хорошо, если рабочий хоть один раз слышал слово пропагандиста, если он читать умеет и имел в руках хоть пару хороших, не «экономических» листков,—мысль его тогда имеет уже точку опоры, он увереннее смотрит вперед и умеет назвать врага своего, — он знает тогда, почему царская полиция на тракту дежурит.

С какой радостью хватается теперь рабочий за листки и брошюры! И чем горячее написаны они, чем шире захватывают вопрос о том, что делать, чем определеннее и радикальнее отношение их к столпам существующего беспорядка (к капиталу и царю), тем большее получит он удовлетворение. Точно открывают настешь окно в темной камере узника,—видно небо, слышен шум жизни. И он, действительно, родился для новой жизни, он готов идти на борьбу, ему, действительно, ненавистен старый строй. Дайте ему определенный план действий, и он без страха и сомнений пойдет за вами и под нагайки казацкие и в тюрьму: ему терять нечего.

Заводские рабочие лучше понимают, с кем и для чего придется им иметь дело, они знают даже, чего они могут ожидать теперь и чего должны добиваться после. Они знают, что теперь необходимо избавиться от полиции и царя, чтобы после освободиться и от гнета капитала. Они способны двинуться сами на улицу, но не могут, без указания центральной организации, двинуться одновременно.

[П. Сидович]

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Оскорбление величества. Нашим читателям известно, что гроза, разразившаяся над газетой «Россия», вызвана была фельетоном, озаглавленным «Господа Обмановы» и изображающим глупую помещичью семью, как огня боящуюся всяких новшеств и стремящуюся к поддержанию старо-дворянских, крепостнических идеалов. Русская и заграничная публика поняла это дело в том смысле, что Николай II узнал себя в барченке Нике-Милуше и «Высочайше» повелел строго наказать виновных. Выходило, что наш самодержец и сам находит, что портрет его удачно написан. И это заставляло вспоминать известную эпиграмму Пушкина, заканчивающуюся словами:

В получении оплеухи
Расписался мой дурак...

Наши официозы почувствовали обидный для царя комизм этого положения, и вот в «Journal de Genève» от 9 февраля появилась заметка, идущая, очевидно, из русского источника и поясняющая, что не царю, а «полиции» принадлежит почин в наказании газеты «Россия», а что сам царь был даже «смущен» (peiné), когда узнал об этом деле.

Это, может быть, и так. Но неужели автор заметки воображает, что положение Николая II перестает быть комичным? Подумайте только! В газете появляется фельетон, осмеивающий глупых дворян Обмановых и издаваемый над глупым дворянским сыном Никой-Милушей, а «полиция» кричит во всеуслышание: «Обмановы, это — Романовы, а Ника-Милуша, это — Его Величество Император и Самодержец всея России Николай II». Очень хорошо. Поистине бесподобно: точь-в-точь как в анекдоте, рассказанном когда-то, если не ошибаемся, в одном из «Листков Народной Воли»: два человека проходят мимо городского, при чем один из них, продолжая ранее начатый разговор, восклицает: «да он набитый дурак». — Городовой немедленно схватывает его за шиворот и тащит в участок. — За что? — За оскорбление Величества. Вы говорите — он дурак. — Да разве же я про царя это? — Толкуйте! Знаем мы, кто у нас дурак-то набитый!

Полиция хочет защищать честь своего повелителя и сама самым недвусмысленным образом оскорбляет «Величество». Вот оно — усердие не по разуму!

P. S. Для читателей, которым неизвестно содержание пресловутого фельетона в «России», будет небезынтересно узнать, что вызвало гнев начальства.

Автор (Амфитеатров) рассказывает родословную дворянской семьи гг. Обмановых. Прадед Никандр Парфимович (Николай Павлович?) «бравый майор в отставке, с громовым голосом, с страшными усищами и глазами на выкате, с зубодробительным кулаком». Сын его, Алексей Никандрович (Александр Николаевич?) — «явившись в Большие Головотяпы как раз в эпоху эмансипации, оказался одним из самых деятельных и либеральных мировых посредников. Имел грустные голубые глаза, говорил мужикам „вы“ и разбивал уездных львиц, читая им вслух „Что делать?“ Считался красным и даже чуть ли не корреспондировал в „Колоколе“... Умер двоеженцем и не под судом только потому, что умер». Сын его Алексей Алексеевич (Александр Александрович?), женатый на Марине Филипповне (Марии Федоровне?), признавал только один орган печати — «Гражданин» и, по свидетельству местных дворян, «дворянство наше только при нем и свет увидало. Высоко знамя держал-с!» Сына своего Никанора, или в просторечии «Никю-Милушу», держал в строгости. Просился Ника, по окончании гимназии, в университет, — «родитель посмотрел на него холодными тяжелыми глазами на выкате:

«— Зачем? Крамол набираться? — и пустил сына по военной службе».

Ника, тайком от отца, почитывал «Русские Ведомости», но читать ему приходилось урывками, так как при входе отца он закрывал газету «Гражданином». В результате

такого учения, у молодого дворянина в голове получилась каша, и он часто путался, приписывая кн. Мещерскому либеральные взгляды, а «Русским Ведомостям» реакционные.

На этом заканчивается «преступный фельетон». Вместо обещанного продолжения подписчики «России» узнали, что их газета «сама собой» закрылась. Официального прекращения не последовало. Автор и издатель (г. Сазонов) высланы; первый, по слухам, в одну из северных губерний. Этой расправой с умеренно-либеральной газетой наш «Ника-Милуша», вероятно, хотел показать, что ему не чужды повадки царственного прародителя Никандра Парфимовича Обманова.

Университетские сотоварищи приват-доцента Дэна просят напечатать следующую заметку:

«Нам достоверно известно, что приват-доцент Дэн участвовал в устройстве бесед с механическими рабочими только до начала октября. Когда же в конце ноября был поднят вопрос о возможности продолжения бесед, пр-доцент Дэн отказался участвовать в этом деле в виду того оборота, которое оно к этому времени уже, очевидно, приняло».

От редакции. Настоящим заявлением политическая репутация проф. Дэна совершенно обесцеляется. Посмотрим, хватит ли мужества у других профессоров продолжать после этого свое сотрудничество с Зубатовым. Только отстраняясь от всякого соприкосновения с полицейской шайкой, люди, желающие легально работать для рабочего класса, и смогут заставить правительство дать хоть какой-нибудь простор честной легальной самодеятельности.

Нам сообщают, что Зубатов явился на одно из собраний московского общества рабочих и роздал присутствующим 150 экз. № 8 «Искры», в котором была статья об этом обществе. При этом Зубатов говорил рабочим, что они сами могут убедиться, как мнимые друзья рабочих — социал-демократы — относятся к таким учреждениям, пользу которых признают московские рабочие. Как говорят, Зубатов достиг на этот раз своей цели — сильно восстановил членов общества против «Искры».

Что Зубатов таким образом содействует распространению нашей газеты, — за это мы ему очень благодарны. Еще более благодарны мы ему за то, что он при этом случае назвал публике предполагаемых им редакторов нашей газеты. Революционерам всегда важно знать, в какую сторону направлены подозрения жандарма. Но кто бы мог подумать, что «великий» московский сыщик так болтлив и неконспиративен, чтобы рассказывать в публике о своих подозрениях?

Одесса. 5 декабря в зале думы состоялось собрание участников артелей под председательством известного г. Левитского². Собралось 300—400 чел. из 32 артелей. Местное начальство, повидимому, не без опасения разрешило собрание: конечно, опасаться чего-нибудь со стороны нашего Шульце-Делича³ ему было нечего, но, может быть, оно побаивалось местного Комитета или Южной Группы. Как-никак, но когда я подошел к думе, меня поразило обилие бюстителей порядка: на под'езде околоточный и двое городских, в швейцарской еще околоточный и двое городских, у дверей зала городской; вхожу в зал — там пристав, два околоточных и два городских.

После томительного ожидания, во время которого собравшиеся члены артелей не решались даже громко разговаривать, собрание было, наконец, открыто г. Левитским. Он начал с напоминания о том, что собравшиеся должны вести себя тихо, смирно, «не выходить из пределов законности». «Мы должны оправдать доверие г. градоначальника», — говорил он. «Закон — основа нашей деятельности»... «Мы сильны законом»... и т. д. и т. д. На этот мотив он переливал из пустого в порожнее минут десять.

Наконец, переходя к программе заседания, объявил, что из намеченных артельщиками вопросов (свыше 30) выбрал три и, правду сказать, выбрал далеко не самые интересные. Только первый вопрос (о способе распределения заработка) вызвал оживленные дебаты. Оба другие — о кредите и о работе вне артели — прошли довольно вяло. Но рас-скажем по порядку.

Г. Левитский начинает с того, что ставит вопрос и разъясняет собравшимся его значение в жизни артелей. Формулирует вопросы он чрезвычайно неуклюже и неясно. Так, первый вопрос он ставит таким образом: «поступная или совместная работа?», а в дальнейшем объяснении говорит о распределении заработка: делить ли заработок поровну или по качеству и количеству работы (плата со штуки, назначение добавочных процентов и пр.). Сам г. Левитский ничего интересного по этому вопросу не сказал, но некоторые речи представителей артелей были очень интересны. Ораторов, вообще, можно разделить на два разряда: одни обсуждали вопрос с точки зрения организационной, говорили о тех затруднениях, которые встречаются при распределении заработка, приводили бесчисленные примеры, каждый из практики своей артели. Таких было большинство. Другие, очень немногие впрочем, обсуждали вопрос с точки зрения принципиальной. Тут было два направления, представленных двумя лучшими ораторами. Молодой интеллигентный рабочий говорил против равномерного распределения заработка. Его аргументация сводилась к следующему. При равномерном распределении заработка лучшие и квалифицированные рабочие будут эксплуатироваться худшими и неквалифицированными. Рабочие ушли в артели от хозяйской эксплуатации не для того, чтобы быть эксплуатируемыми артелями. Рабочему все равно, кто сидит у него на шее, артель или хозяин: то и другое одинаково несправедливо. Он поэтому высказывается за распределение заработанных денег пропорционально стоимости труда каждого. Ему горячо возражает староста бондарей, почти простой русский мужик, пришедший издалека, с севера. Рабочих недостаточно обученных, говорит он, надо обучить, ленивых — увещать, а мало способных несправедливо наказывать уменьшением заработка за то, в чем они не виновны. «Нужно человечество чувствовать», — так формулирует он свою основную мысль.

Объявляется небольшой перерыв, и затем г. Левитский начинает обсуждение вопроса о кредите сравнительно длинной речью, очень характерной. Он говорит о значении кредита, рассказывает случаи, когда артель эксплуатировалась ростовщиками хуже, чем рабочие в мастерских хозяевами, и артели, однако, не распадалась: для него подобные случаи служат лучшим доказательством жизнеспособности идеи артели. Затем он говорит о том значении, которое может иметь «самодеятельность артелей» в разрешении вопроса о кредите. Здесь начинается отвратительная смесь из двух теорий: теории «воздержания» и теории «малых дел». «Сто копеек — рубль», «курочка по зернышку клюет», «из зерна вырастает теннисное дерево» и т. д. После речи бондаря, который страстно убеждал «человечество чувствовать», г. Левитский произвел особенно неприятное впечатление. В мыслях как-то промелькнули Зубатов, Озеров с К°, жандармский полковник Васильев, одесский полицмейстер, устраивающий артели извозчиков, словом, вся картина «нового курса». Я залюбовался затем сидевшим неподалеку от меня бравым приставом. Во время предыдущих речей артельщиков он иногда волновался. Слова: «эксплуатация», «братство», «капиталисты», повидимому, раздражали его. Теперь он слушал г. Левитского совершенно спокойно и с видимым одобрением. А г. Левитский, забывшись в экстазе, восхвалял уже и наше правительство: оно, ведь, так заботится о благе трудящихся, оно идет навстречу их нуждам, разрешая устраивать артели, кредитные товарищества и поддерживать артели деньгами. Какое-то усыпляющее действие произвела его речь на аудиторию. Ораторов записалось немного, да и записавшиеся все говорили в двух-трех словах на тему: кому не нужны деньги? Были иногда и характерные замечания вроде того, что мы-де ушли от хозяев, чтоб самими сделаться хозяевами, а для этого нужен капитал: «капитал основа всякого дела». Один из старост

с большим пафосом произнес целый панегирик капиталу и артели (если она с капиталом). Речь эта вызвала несколько криков: «довольно! кончать!». Но большинство наградило оратора шумными аплодисментами.

Третий вопрос почти совсем не обсуждался. Все согласилось с мнением первого оратора, который формулировал отношение к работам вне артели, приблизительно, так: такая работа нежелательна, но она дозволительна в случае необходимости с разрешения артелей.

Наконец, говоря словами Щедрина, «снова открылись двери дома терпимости», и мы опять услышали увещания г. Левитского всегда стоять на почве закона. Затем последовали предложения благодарить голову за помещение, г. Левитского за председательство, г. Витте за «материальную поддержку и законодательную охрану артелей». Мгновенно кем-то из интеллигентов-попечителей была составлена соответствующая телеграмма, собраны деньги. Очевидно, г. Левитский уже достаточно успел развить в артельщиках дух верноподданнического холопства.

Москва. Нам пишут, что среди московских рабочих распространено следующее воззвание:

Письмо рабочим.

В марте месяце на Казанской площади в Спб. толпились тысячи студентов, писателей, разночинцев... Зачем пришли они сюда? Чего хотят эти люди? Спросите их, и они ответят вам: «Мы хотим, чтобы каждый русский человек имел право говорить громко то, что он думает, чтобы можно было безнаказанно защищать права наши и бороться печатью и словом с теми, которые губят родину нашу и, как хищник, нагло терзает ее, и поэтому требуем мы свободы слова и печати. Мы хотим, чтобы никто не мешал нам собираться вместе, обсуждать дела наши, действовать сообща, и поэтому требуем мы свободы собраний. Мы хотим, чтобы ни полицейские, ни жандармы, ни казаки не смели награждать ударами плетей наших братьев и сестер, чтобы министры и губернаторы не смели приказывать солдатам проливать нашу кровь, и потому мы требуем неприкосновенности личности». Вот зачем пришли эти люди. Вот чего они хотят. Но правительство думает о своей выгоде, а не о благе народа. И вот явились на площадь казаки и полицейские и стали истязать и избивать безоружных и мирных людей. Это было в марте, а весной заволоновались рабочие. Замученные хозяевами, голодные, угнетенные, они поняли, что для них одно спасение — потребовать от правительства, чтобы оно заставило фабрикантов грабителей сделать рабочим уступки. Но правительство не позволяет народу открыто говорить о своих нуждах. И вот началась забастовка, и пошли рабочие на улицу требовать себе того же, чего требовали 4 марта студенты, — свободы слова, свободы собраний, неприкосновенности личности. И опять, как 4 марта, явились, по приказанию министров, царевы войска и полиция и опять пролили народную кровь. Не то было в Москве. Здесь рабочие и студенты пошли на улицу вместе, в одно время, и вместе открыто потребовали прав и свободы. И устранились министры, испугался губернатор, не посмели казаки совершить насилие.

Товарищи! Станем и теперь дружно плотной и грозной стеной и дадим отпор врагам нашим. Не верьте тем, которые устраивают вам «совещания» заодно с охранкой и жандармами и сулят вам золотые горы. Это волки в овечьей шкуре. Они говорят вам: «слушайтесь полиции и правительства: они о вас позаботятся». Лгут они вам: пока не будет свободы в русской земле, не одолеть вам тех, кто пьет вашу кровь и отнимает у вас детей ваших. Товарищи! Соединяйтесь с нами, и тогда мы, сильные, объединенные, развернем знамя с надписью: «Да здравствует свобода!».

Московский Исполн. Комит. объедин. земляч. и организаций.

Как царское правительство печется о народном трудолюбии? Отчего голодают в России миллионы крестьян? Отчего не находят себе работы десятки и сотни тысяч рабочих? Все от лениности, от недостатка трудолюбия. И наше доброе, человеколюбивое правительство спешит притти народу на помощь в этой большой беде. Оно строит «дома трудолюбия» и «рабочие дома», в которых ленивых бездельников-рабочих даром обучают трудолюбию. Оно учредило даже особое «попечительство о домах трудолюбия и рабочих домах», состоящее под августейшим покровительством самой государыни императрицы и располагающее теперь капиталом в миллион рублей, употребляемым на великое дело исправления лентяев.

Полицейско-буржуазная Россия перенимает у свободно-буржуазной Англии ее самые гнусные учреждения. Английский рабочий всего более на свете ненавидит «рабочие дома», эти каторжные тюрьмы для нищих и голодных, тюрьмы, в которых презирающая бедняка буржуазия заставляет его за кусок хлеба исполнять самые тяжелые работы (хотя бы и бесполезные работы вроде расщепливания канатов), подвергает его унижительному надзору, отравляет ему, по всем правилам утонченного мучительства, получаемое им подаяние-милостыню. Россия не хочет отстать от Англии, и наш «прогресс» особенно ярко выражается в усиленной постройке двоякого рода тюрем: тюрем для политических преступников и тюрем для тех, кто смеет своим голоданием беспокоить «чистую публику».

Но кроме обучения трудолюбию учат еще кое-чему в этих новых тюрьмах. Вот какое постановление 62-го заседания комитета попечительства о домах трудолюбия и рабочих домах опубликовал недавно «Правит. Вестник», опубликовал с добавлением, что сама царица изволила на журнале комитета собственноручно начертать: «согласна».

«По вопросу об открытии дома трудолюбия в городе Ченстохове управляющим делами комитета доведено до сведения комитета, что в городе Ченстохове, Петроковской губернии, предполагается к открытию дом трудолюбия, потребность в котором объясняется значительным скоплением в названном городе рабочего люда, мужчин и женщин, из которых многие, не попадая по разным причинам на местные фабрики и заводы, положительно остаются без куска хлеба и принуждены снискивать себе пропитание нищенством и другими предосудительными средствами. Самая потребность в доме трудолюбия мотивирована указанием учредителей на то, что таковой дом в названном городе может служить к предотвращению всякого рода социал-демократических учений, которые распространяются рабочими, приходящими из Пруссии и Австрии (Пруссия отстоит от Ченстохова в 17 верстах, Австрия в 70). К крайностям сказанных учений особенно сочувственно относятся пролетариат, в среде которого и создается элемент, в политическом отношении неблагонадежный. Дом трудолюбия в данной местности, доставляя приют и пропитание немущим и уменьшая тем самым число пролетариев, явится таким образом учреждением, способствующим пресечению распространяющихся помянутых вредных учений, не прибегая притом к каким-либо мерам репрессивным. Сообщение это комитет полагал принять к сведению».

От всей души благодарим «Правительственный Вестник» за опубликование этого поучительного документа. Благодарите и вы все, русские и польские рабочие! В новых тюрьмах обещают давать «приют и пропитание». В новых рабочих домах вас будут даром обучать не только трудолюбию, но и «здравой» науке о вреде социализма, о «настоящей политической благонадежности». Кланяйтесь же низко и целуйте заочно ручку у матушки-царицы за эту двойную науку!

Варшавский архиепископ Попел в борьбе с польскими социалистами. Варшавский архиепископ Попел обратился 12 ноября к римско-католическому духовенству с таким циркуляром (перевод из № 43 «Rabotnik», органа Польской Социалистической Партии):

«Суетное и ложное в самой своей основе стремление выводить правила жизни откуда-либо, кроме правды Откровения, многих уклонившихся с пути веры христианской слепых почитателей чистого разума и самоуверенных гордецов довело до того, что они дерзают посягать на самые основы, на которых почивает общество, или же стараются исторгнуть их из людских умов. Они отрицают промысел божественный, пренебрегают евангельским учением, этой единственной основой истинного благосостояния и счастья, а на место их ставят свои суетные и праздные измышления о наилучшем устройстве человеческого общества. Все сводя к житейскому расчету и страстям, они стремятся как можно больше воспользоваться благами мира сего, что обещают всем тем, кто, пренебрегши учением религии, пристанет к ним. Очевидно, это обещание делается скорее из хитрости, чем искренно, как показывает и опыт. Борясь со всякой властью, как церковной, так и светской, они нападают сами и возбуждают других против богатых, отрицают собственность, вводя на ее место коммунизм. проповедуют вольные нравы, которые, будь они приняты, водворили бы на место гуманности варварство, отрицают святость брака, все честное и благородное изгоняют из жизни. Под разными именами, облечшись блеском ложной науки, они действуют на неопытных; в иных странах уже многих увлекли и пропитали своим учением. Какие отсюда происходят бедствия и смуты в разных странах, враждебные истинной свободе и прогрессу, — говорить незначе. Лжеучения сеются уже и в нашем крае и имеют много глашатаев, особенно среди фабричных рабочих. Простые и необразованные люди легко поддаются пышным обещаниям — такова уж природа человеческая — и не могут устоять против обольстителей, начинают мало-по-малу гнущаться своего сословия и обращаться к ложным божествам большего благосостояния и более привольной жизни. Положение их, само по себе удовлетворительное или же терпеливо переносимое усилиями духа, раз в нем разгорелась жажда богатства, становится тяжелым и невыносимым, за чем нередко следует упадок не только нравственности, но и самой веры.

«В виду этого приглашаем духовенство, чтобы оно, помня о своем призвании, старалось отвратить опасность, для чего надлежит старательно излагать и внедрять в умы верных здоровое учение церкви о властях, о собственности, о браке, о подражании Христу и святым, о согласии и любви между верными, о необходимости зарабатывать хлеб в поте лица. Где советы злоумышленников пользуются наибольшим успехом, т. е. в больших городах и фабричных центрах, духовенство должно противодействовать злу с особанным рвением, но осмотрительно, стараясь, по крайней мере, уберечь тех, кто еще не подвергся заразе».

Старайтесь, господа, старайтесь! Ваши старания против вашей воли служат пропаганде наших идей.

Польский пролетариат вынес и выстрелы царских башибузуков и приговоры военных судов. Вынесет он и крестовый поход католических попов.

Смиранные служители церкви. Нам пишут из Сарапула (Вятской губ.): «Наш архиепископ ездил недавно по епархии и заехал в одну чувашскую деревню. Чуваш, как известно, считаются идолопоклонниками. После непродолжительного поучения архиепископ приказал вырубить их священную рощу. И она была вырублена. Его чуваш не тронули; но когда после него попы вздумали продолжать его дело и, собрав мужиков-понятых, пошли рубить вторую рощу, то чуваш встали. Вооруженные топорами, дубинами и кольями, они напали на понятых, избили их и даже несколько убили. Теперь началось дело; идет судебное следствие; много чувашей арестовано. Итак, чуваш, подобно духовоборам, позволяли себе выражать свое религиозное чувство по-своему, иначе, чем предписано нашим самодержавным правительством, и вот его верные слуги — архиепископ с попами — способные, очевидно, держать тоже только одной тактики насилия, уничтожают их своеобразный храм — священную рощу. Но когда и у этих темных, невежественных людей проявляется чувство человеческого достоинства, и они протестуют против

подлого насилия над их личностью, защищая свою святыню, тогда за эту самозащиту и протест над ними учиняют уже целую бездну насилия в форме арестов, следствий и суда».

О чем тужит духовенство. Управляющий киевским епархиальным заводом скорбит (в № 269 «Киевлянина») об отсталости киевской епархии сравнительно с великорусскими: епархиальное духовенство мало достает на свечной завод огарков, мало берет с него свечей. Священник Руденко в ответ на это плачется (см. № 272 «Киевлянина») о пагубном влиянии штунды на доходы завода: «Раскол, как стояние за обрядность, нисколько не охлаждает православных людей к обильному возжению свечильников, чего уже никак нельзя сказать о штунде, от которой, к сожалению, даже истинно-православные заражаются иногда холодностью к обрядовой стороне церковного благочестия. Многие священники могут подтвердить, как сильно падает не только свечной церковный доход, но и вообще забота о церковном благолепии со стороны прихожан в селах, где появится хоть несколько сектантов». Борьба за сохранение обрядности есть поэтому в то же время борьба за поповские доходы: «духовенство,—продолжает Руденко,—если можно так выразиться, есть лишь акционеры завода», а акционеры, конечно, где представится случай, помогают предприятно. Итак, народная темнота и бесправие — вот капитал, из которого попы извлекают огромные проценты. Похвальная откровенность!

Борьба семинаристов со шпионством. Бич пермской духовной семинарии инспектор Поточкий завел среди семинаристов целый штат шпионов, которых вербовал путем запугивания. Недавно семинаристам удалось уличить нескольких шпионов. Пойманные сами сознались в своем поступке. 1 декабря в зале семинарии состоялась сходка в присутствии инспектора, при котором шпионы, боясь его мести, отрицали свою вину. Но на следующий день, уже в присутствии ректора, шпионы прямо заявили, что инспектор призвал их к себе и обещал им милости и покровительство, если они будут доносить ему на товарищей. Начальство решило ждать приезда архиерея, а шпионов, по просьбе учеников, уволило.

9 декабря архиерей вытребовал из семинарии депутацию в числе 20 семинаристов, которую, не разбирая дела, обругал, называя «анархистами, проходимцами». Заодно, по словам семинаристской прокламации, он оскорбил и всю учащуюся молодежь, назвав курсисток «погаными девками». И в конце-концов сам признавал шпионство вполне законным и в заключение сказал: «правды вы не найдете на земле, ищите на небеси». Возмущенные таким поведением архиерея, семинаристы 10 декабря прекратили занятия, требуя удаления инспектора из семинарии. По распоряжению синода семинария закрыта. «Шестой класс, вначале сочувствовавший удалению инспектора, позорно изменил своим товарищам».

Архиерей стал призывать отцов стачечников и требовать от них подписки, что они заставят своих детей прекратить забастовку. Но это не действует. В заключение — следующий документ:

Письмо архиерея к ректору.

«Я имею верные сведения, что абсолютное большинство Духовной Семинарии вовлечено в смутную настоящую историю, позорящую Семинарию, частью соблазнами коварными и угрозами товарищей, зараженных легкомысленными безобразными и лжелиберальными отравками современной литературы и бродячими идеями в разных учебных заведениях. Мне пришлось убедиться, что многие воспитанники не только не сочувствуют, но прямо с болью в сердце осуждают настоящее нелегальное состояние Семинарии. Поэтому считаю нужным дать им право и полную возможность заявить письменно на особой бумаге свою невинность и совершенное безучастие в этой смутной истории, в которой они фигурируют как бы невольно из

страха мести и, как замечено, крайне тяготятся своим положением, теряя свое доброе имя в понятиях своих родителей и общества.

Петр, епископ Пермский и Соликамский.

11 декабря 1901 г.

«Все это наглая ложь!», заявляют по поводу этого клеветного и безграмотного письма семинаристы в своей прокламации.

Нам доставлено из Харькова нижеследующее «дополнение» к статье ректора Харьковского университета о студенческих организациях. Нам не сообщают, должна ли была печататься эта статья для публики или только в виде «конфиденциального документа»; известно только, что пока она не появилась.

«Статья о студенческих организациях написана в августе месяце. Пока она печаталась, вследствие некоторых случайных задержек в ноябре, события в университетской жизни, происшедшие с конца октября и до первых чисел декабря, с совершенною ясностью выяснили, что так называемое студенческое движение есть движение чисто политическое и при этом, по крайней мере в Харькове, не конституционное, а анархическое и социалистическое. Большинство студентов (¾ студентов, — всех студентов 1450) терроризируется организованной партией революционеров от 120—150 человек.

«В виду этих фактов является серьезное сомнение, не поведут ли даже курсовые организации, предложенные в этой брошюре, к тому, что здесь явятся только различные политические партии, и что борьба между не останавливающимися ни перед какими крайними средствами и большинством умеренных будет продолжаться и обостряться. Является серьезное сомнение, не увечится ли этим в университете вместо «занятий» «политика». Вместо того, чтобы иметь место в каких-либо других общественных органах, где рассуждают и действуют люди зрелые, политика будет вестись единственно незрелой и неопытной молодежью. Может быть, кто-нибудь и порадуетс этому, но я, в качестве профессора и ректора университета, этому не порадоюсь и в виду событий настоящего месяца считаю необходимым даже выразить свое сомнение в благовременности организации, мною самим предложенной, но предполагавшей более нормальное состояние общества. Пусть меня упрекнет кто-нибудь в переменчивости мнений, но в виду новых фактов долг добросовестного человека, ищущего истины и блага родины, изменять соответственно новым фактам и свои выводы. Сомнение не есть решение, но это сомнение серьезное, и оно должно быть обсуждено при рассмотрении университетских правил на основании фактов недавнего прошлого, происходивших во всех университетах. Может быть, движение в других университетах имеет иной характер, нежели в Харьковском университете.

«Выпуск в свет этой статьи я не приостанавливаю, так как в ней, я надеюсь, все-таки можно найти много к искоренению неправильных взглядов по вопросу о студенческих организациях.

«Харьков, 8 декабря 1901 года».

Одно очевидно: самодержавие не может дать студентам никакой действительной (а не карикатурной) организации до тех пор, пока отсутствие свободы для людей «зрелых» грозит сделать эти организации «отдушиной политического недовольства». А из этого следует, что студенческое движение имеет большое политическое значение, являясь «элементом разложения современного строя», как гласит резолюция петербургских студентов на сходке 13 ноября.

Два земских начальника. Земский начальник Лукьяновского уезда, Лев Пушкин (родственник знаменитого поэта) вызвал к себе старосту села Кельдюшева — Ермошкина по делу о засыпке мирских амбаров. У господина «земского» были в это время гости, потому «они не принимали». Гости пили, ели, веселились, а ста-

роста, между тем, пока «они откупают», ждал приема в передней, голодный и усталый. Наконец, уже вечером «его высокоблагородие» изволили выйти, сильно подкрепив себя за обедом с гостями живительной влагой. Под влиянием выпивки, еле ворочая языком, он начал бестолково орать на несчастного старосту. Затем, раздраженный каким-то возражением последнего, рассвирепел, как бешеный бык, и ударом кулака сшиб с ног крестьянина. Желая выпихнуть упавшего из своей прихожей, он так ткнул в лицо старосты, что выбил ему два зуба. Староста послал жалобу министру вн. дел. На запрос через губернского присутствия о всем происшедшем, Пушкин ответил, что староста был пьян и «дерзком», сам упал от отвращения на пол и «сам выбил себе зубы». Суд ограничился спросом только Пушкина, свидетели потерпевшего старосты не были даже спрошены. Корреспонденты о происшедшем не была напечатана ни в одной газете, так как по цензурным законам запрещено писать о каких бы то ни было злоупотреблениях полиции и земских начальников.

А вот что пишут о недавно уволенном земском начальнике Суздальского уезда (Влад. губ.) С. С. Рагозине:

«Вот что я знаю про „Сережу“. Это тип крепостника старого закала, могущий служить живой иллюстрацией к эпохе 40—50 гг. При этом он соединил в себе почти все качества гоголевских героев: плушкинская жадность изредка сменяется добродушием Петуха, беззастенчивость и наглость Ноздрева иногда уступает место чичиковской деликатности и т. д., и все это, конечно, не без выгоды для его препрославленной особы.

«Как администратор, он очень хороший человек и настолько хороший, что его именем крестьяне пугают детей: „нишкни, вот уж „земский“ придет... задаст он тебе“. Это факт.

«Ему стану ценить его как судью и как администратора; приведу только некоторые случаи, где выразился его характер и отношение к крестьянам.

«Приходит мужик и, не входя еще в камеру, снимает шапку и прячет за пазуху. Затем является перед его грозные очи и благоговейно подает какое-то прошение. С. С. стоял в прихожей камеры. Молча принимает он это чество и только изредка через край бумаги бросает на мужика свирепый, злобный взгляд; мужика пронимает дрожь. С. С. молча дочитывает прошение, молча разрывает его. Вдребезг и молча же со всего размаха дает просителю затрещину „по морде“; мужик покачивается, а удары градом сыплются на загорелую физиономию, и широкие скулы, разбитые жеванием жесткого черного хлеба, так и потрескивают под могучими ударами Чережи. Добившись того, что физиономия мужика обратилась в сплошную кровоподтек, С. С. выталкивает его вон и пускает ему в след разъяренное „мерзавец“. Устав от усердного исполнения возложенной на него священной обязанности, он потянулся и с тоской произнес, обращаясь к письмоводителю: „покою не дают“. После этого он катит обедать и, вероятно, кушает с аппетитом...

«Присутственная комната полицейского управления. Сидит исправник и Сережа. Входит молодой мужик и обращается к исправнику с какой-то просьбой. Сережа его прерывает.

«— Ты Степка?

«— Да-с.

«— Не из такой ли деревни?

«— Так точно, ваше в-дие.

«— Пошел вон, сукин сын,—раздражается С. С. и выталкивает его буквально в шею; возвращаясь в комнату, торжественно заявляет:—Понимаете ли, такой сволочи во всей Н-ской волости не найдешь.

«Дел в камере он не плодил, памятуя, что „во многописании несть спасения“ (его собственное выражение) и почти все дела разбирал словесно и весьма скоро. Во время разбирательства слышались его ругательства: это он громит обвиняемых; слышно, как трещит стол (не особенно крепкий) под его привычными кулаками. Никогда С. С. так не волнуется, как в это время, даже голос его меняется: то заговорит басом, октавой, то вдруг оглушительно заверещит высочайшим фальцетом...

«Сельские должностные лица, как-то: старосты сельский и магазинный, сотский, десятский, старшина и даже писарь

при С. С. обращаются в энциклопедистов; по его поручению они охвачены успешно исполняют роль рассыльных, горничных, швейцаров, а иногда и курьеров в особенно важных случаях, как, напр., при приискании кухарок; за неудачу при исполнении этих поручений полагается арест или другое наказание; один из старшин стоял в углу несколько часов, как школьник. Прочие сельские обыватели его участка должны были прямо таки трепетать перед ним невольно и бояться... „как отца“. Отец же милостиво называл их „детьми“, „дураками“ и при первом удобном случае делал строгие отеческие внушения. Когда С. С. проезжал по какому-либо селу, то крестьяне, старый и малый, мужчины и женщины, должны были вставать, если они сидят, и быть без шапок, в противном случае шапка срывалась самим С. С. и топталась, а мужику попадало даже и в тех случаях, когда шапки снять не мог, потому что стоял или сидел к нему спиной.

«Имение С. С., под названием „Экономия С. С. Рагозина“, прославилось своей излишней экономностью по отношению к рабочим. Эта экономия проглядывает, во-первых, в пище, во-вторых, в отдыхе, которого полагается очень мало. Вследствие тяжких, непосильных даже для мужика условий, крестьяне избегают наниматься к этому примерному хозяину, и энергичный С. С. выписал из Нижегородской губ. татар и из Рязанской — рязанцев; нанятые они были копаться пруды и работать в поле. Но так как работа началась с восходом солнца и кончалась лишь в 11 час. вечера, то даже татары призадумались, а рязанцы и говорить нечего. Солоно им пришлось, а штрафы и рев неугомонного хозяина в конце убили в них всякое желание работать (отдых полагался только после обеда). И вот в жаркий июньский день потянулась маленькая орда татар на поклон к исправнику с просьбой об отобрании от С. С. паспортов, которые он им не выдавал. У исправника ничего не добились. Толкнулись к губернатору, и тут дело уладилось: паспорта (и только паспорта) рабочие получили и отправились восвояси, проклиная нового оседлого баскака».

Г. Дмитриев (Курской губ.). Древний, тихий Дмитрослав, так называют свой город по старой привычке обросшие мохом обыватели, находится, повидимому, накануне революции. По селам и деревням Дмитриевского уезда, встречаемое лаем собак и сопровождаемое воем баб и ребятишек, совершается странное путешествие.

Впереди офицер из губернии, за ним становой и свита из жандармов, урядников, сотских и десятских. Ездят по деревням и что-то ищут. «Приедут на село,—рассказывала баба,—посмотрят в книжку, и давай шарить то у одного, то у другого». — «Что же ищут-то? «А пес их знает». Объяснил дело сам ротмистр. Обыск производится у корреспондентов земской текущей сельско-хозяйственной статистики. Истари известно, что статистика опасная дама. Недаром же еще царь Давид за статистические опыты по переписи населения был наказан господом богом голодом и мором, обрушившимися на еврейский народ, неповинный, впрочем, в затее своего миропоманного статистика. Живи Давид в наше время и имел бы счастье состоять верноподданным нашего маленького полковника Николая, он наверно так бы легко не отделался и сам бы угодили по меньшей мере под гласный надзор дмитриевского исправника.

Зачем же, однако, обыскивают несчастных корреспондентов? На это пока приходится ответить словами бабы: «А пес их знает». Будем надеяться, что г. ротмистр не откажется поделиться результатами поисков.

Из Киева сообщают о чрезвычайно напряженном настроении рабочих. Ждут только сигнала, чтобы выйти на улицу. Полиция деятельно готовится к демонстрации. Одно должностное лицо сообщало, что в высших сферах решено сразу положить конец всем демонстрациям—стрелять в толпу. Начальство учебных заведений, как нам передавали, уполномочено при начале занятий предупредить студентов, чтобы по возможности избегали кровопролития. Конечно, эти предупреждения никого не остановят.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Заводские самодержцы. — Южнорусский машиностроительный завод в Киеве. (Письмо рабочего.)

Дорогие товарищи! В этой небольшой корреспонденции я постараюсь хоть отчасти выставить безобразные вканиваания наших непосредственных начальников, которые под защитой закона на каждом шагу не только желают расстроить нашу солидарность, но еще к тому же деморализующим образом влияют на несознательных рабочих. Начну по старшинству.

Г. Дейчман занимает у нас место механика, токарного и слесарного мастера и проч., одним словом, директор завода дал ему право распоряжаться по его усмотрению. В механической мастерской работа производится сдельно, обыкновенно никто из рабочих не знает до конца работы, какую ему назначат цену, но зато г. Дейчман, сколько желает, столько и посчитает, если же кто-нибудь из рабочих осмелится возражать, то Дейчман бросается во все стороны, как бешеный, и кричит: «Не желаете брать, что я вам даю, так получайте расчет». 14 ноября с вертешиком Яницким произошел такой случай: по расценочному листу, подписанному директором, ему следовало получить по 25 коп. за болт, но Дейчман рассчитал его по 15 коп. За указание на то, что в расценке назначено по 25 коп., он удален с завода. Имейте в виду, что таких Яницких через руки Дейчмана проходят сотни, и эти сотни должны страдать так же незаслуженно, как и Яницкий.

Есть еще у нас г. Пилиповский, вагонный мастер — большой либерал и иезуит. В 1898 г. слесарь Миллер побил его физиономию, но из всего видно, что этого было мало. Пилиповский обращается с рабочими чисто по-николаевски: если рабочий жалуется на то, что за сдельную работу ему заплатили мало, то Пилиповский на него напущается с целым потоком базарного красноречия. «Ты мне людей бунтуешь, я тебя велю арестовать, убирайся вон без расчета» и т. д.

Захар Иванович Яковлев, смотритель завода, бывший кабатчик и содержатель пивной с живым товаром, одним словом, кулак и жулик. И эта-то персона была принята на наш завод в качестве старшего-чернорабочего, но затем произведен в смотрители заводского двора, т. е. по части уборки мусора и... прокламаций (последнее его любимое занятие). Доходной статьей для Яковлева служит устраиваемая им лотерея, которая стала хроническим явлением. В лотерею пускаются старые грошевые вещи, а билеты разбираются быстро, потому что, если кто не захочет брать билетов, то Яковлев находит какую-нибудь причину, и рабочего выкидывают. Эти билеты раздаются даже чернорабочим, которые получают по 60 коп. в день и лишаются, таким образом, поденного заработка. А между тем, у нас в правилах сказано, что за лотерею, карточную игру и т. п. виновник моментально удаляется с завода.

Товарищи! Такое отношение к нам позорит нашу личность, и нам необходимо подумать всем скорее о том, чтобы воспрепятствовать такому поведению нашего ближайшего начальства. Пусть, что хочет, говорит фабричная инспекция, высшее начальство и полиция, пусть, как хочет, нас запугивает, а мы все же постараемся отстоять свою личность. Соберемся дружнее, и тогда вся псарня, нас осаждающая, разбежится во все стороны в смятении и страхе.

Кременчуг. В декабре местный Комитет Партии распространил на табачной фабрике Дурунчи прокламацию, выставившую ряд требований к хозяевам. Прокламация подействовала, и фабрикант немедленно удалил подрядчика, увеличил заработную плату, поставил три кровати для рабочих.

С Урала. На одном из заводов Уфимской губ. были недавно беспорядки, вызванные переходом завода из рук

посессионных владельцев в руки бельгийцев, которые ввели систему обысков при выходе с завода и снабжали всех рабочих номерами для штрафовки тех, кто не сдал при входе своего номера. Для «усмирения» была выслана из Уфы рота, но не дошла, так как беспорядки, длившиеся дня три, успели прекратиться.

По слухам, посессионных мастеровых лишают земельных участков, но уфимский губернатор отказался приводить в исполнение эту меру, пока не пришлют новых войск в Уфу.

В Монастырской волости, близ Алапаевского завода, Верхотурского уезда, летом нынешнего года имело место следующее столкновение населения с администрацией.

Жители Монастырской волости издавна владели землей, считая ее принадлежащей им, согласно имеющейся у них грамоте (от самого царя Петра I). Когда, по размежевании их земель с заводскими, им был предложен надел, составляющий часть обрабатываемой ими земли, то они отказались принять этот надел, продолжая пользоваться тем, чем пользовались раньше. Получился судебный процесс. Несколько человек вызывались в суд, но они сговорились не являться. Тогда в деревню приехал становой пристав с несколькими стражниками, чтобы арестовать вызываемых. Но население решило не выдавать своих. Полиции было оказано сопротивление, когда она пыталась силою взять присужденных. Произошла схватка, — и полиция с повреждениями отступила. Сообщают, что было сделано несколько выстрелов с той и другой стороны, при чем первой начала стрелять полиция (последнее, впрочем, еще не вполне достоверно).

Полиция немедленно донесла губернатору, что в Монастырской волости «бунт». Были посланы из Перми солдаты под предводительством офицера для усмирения «бунта». Приближаясь к деревне Бучиной, войско настоярилось, ожидая засады или нападения из деревни. Некоторые солдаты с ужасом представляли себе, как им прикажут стрелять в своих же земляков. Но каково было удивление войска, когда жители встретили его радушно с хлебом-солью, выражая надежду, что офицер, как «царев слуга», разберет их дело по сушей правде, защитит их от заводоладельцев и подкупленных ими полиции и судей. Офицеру была показана грамота и изложено подробно все дело. Но офицер не замедлил разрушить их надежды, заявив, что, если суд решил, значит, так и должно быть; что, «вероятно, крестьяне как-нибудь неправильно понимают грамоту, отчего и произошло все недоразумение». Крестьяне разошлись, а солдаты мирно стали готовить себе обед, составив ружья в козлы. В это время к офицеру подошел один крестьянин и, желая предупредить кровопролитное столкновение крестьян с солдатами, в котором пострадали бы, конечно, крестьяне, — тихо сказал офицеру, чтобы солдаты берегли ружья... Но десяти ружей уже не досчитались. Офицер потребовал возвращения, и крестьяне, видя, что сила не на их стороне, возвратили захваченные ружья. В результате всех этих столкновений много крестьян арестовано (более 30 чел.). Многие из них понесут, вероятно, строгое наказание, но все они теперь убедятся в том, что не защитит их от владельцев ни суд, ни полиция, ни чиновники, ни даже «слуги царя» — солдаты и офицеры.

Из Шемахинского завода сообщают следующий факт. В Шемахинский завод ведет несколько дорог. Три или четыре из них снабжены кордонами, другие — нет. Чтобы население не провозило ворованного леса по дорогам, не снабженным кордонами, управляющий велел засыпать эти дороги. Шемахинцы поголовно отказались это сделать. Для засыпки дорог были наняты жители соседнего селения. Шемахинцы, узнавши об этом, вооружились палками, вилами и двинулись на место работ. Произошло столкновение. Говорят, что управляющий с несколькими человеками заперся в одном из кордонов. Кордон был подожжен. Все спаслись, хотя некоторые пострадали как от пожара, так и от рукопашного столкновения. Арестовано 12 чел. За поджог их судить, вероятно, не будут, потому что показали, что на кордоне загорелось внутри от железной печки.

Батум. Положение рабочих на Кавказе. (Письмо рабочего.) В нашем городе около двадцати заводов, из которых одиннадцать нефтяные, приспособленные к разливу керосина, отправляемого за границу. Из заводов самыми большими по числу рабочих являются нефтяные заводы Ротшильда и Манташева. Рабочих в городе более 8 тысяч.

У нас, как и на всех заводах Кавказа, кроме Баку, нет фабричной инспекции *. Вследствие этого, здесь нет никакого надзора над фабриками. Произволу хозяев здесь предоставлен полный простор: они делают, что хотят, не боясь никого и ничего, и являются полными господами жизни и здоровья рабочих, а рабочие — их рабами.

При столкновении между отдельными хозяевами и рабочими дело разбирает обыкновенно околоточный надзиратель и всегда, конечно, в пользу хозяина. Если же рабочий перенесет дело в суд, то и тут хозяин выходит правым, ибо обыкновенно задавленные нуждой и зависящие от хозяина свидетели-рабочие боятся показывать против хозяев. Рабочие всегда бывают виноваты! Кроме того, ни одно безобразное деяние хозяев не было напечатано в местных газетах, потому что цензура позволяет только хвалить хозяев за их, будто бы, отеческое, хорошее отношение к рабочим.

В других городах и местах нашего обширного отечества все-таки существуют праздники, во время которых замолкает шум машин, и рабочие пользуются хоть кратким отдыхом. У нас не то! Не говоря уже о воскресных днях и двенадцатых праздниках, здесь даже в первые дни пасхи и рождества не перестают гудеть фабричные гудки и не прекращаются работы. Хозяева наши хотят, вероятно, показать, что для них нет ничего святого, что они поклоняются лишь золотому тельцу и чтут голый чистоган.

В нашем городе особенно развит труд малолетних. На заводе Манташева работают 7—8-летние дети. Дети работают столько же часов, как и взрослые, а так как здесь производство отличается страшным непостоянством и во время заказов на заводе Манташева число рабочих часов доходит до 105 в неделю, то детям приходится простаивать за станком по 15—16 час. в сутки. С прекращением заказа обыкновенно рассчитывается половина рабочих.

На наших заводах господствует по отношению к рабочим кулачная расправа. Рабочих бьют надсмотрщики, заведующие, механики и сами директора. Особенным постоянством в этом отношении отличается управляющий завода Манташева, Тер-Акопов, а на заводе Ротшильда — механик Штубнер и приказчик Файнштейн. Бьют и ребятишек, чтобы они усерднее работали. Особенно жестоко поступает с ними приказчик Файнштейн.

На заводах у нас очень часты несчастные случаи. Это происходит оттого, что хозяева нисколько не заботятся о безопасности рабочих при выполнении ими работ, а также и оттого, что пользуются дешевыми необученными рабочими. В жестяночных и лесопильных отделениях нефтяных заводов редкий день проходит без несчастного случая. Если случится несчастие с рабочими при выполнении работ, протоколы пишут, как ни странно это, управляющие заводов. Если рабочему отрезет станком палец, пишут, что «поранение несерьезное»; если рабочему отрезет кисть руки внезапно опустившимся ножом штампы, когда он выковыривал застрявшую жесть, которая должна была бы выбрасываться автоматически, — пишут, что поранение произошло по собственной неосторожности рабочего. Если же рабочий, чтобы предупредить падение ножа, подложит под него кусок дерева, и если нож опустится на это дерево, ему пишут штраф в размере 3—5 руб. Точно также рабочих, которые попадают в станок четвертый и пятый раз, попросту выгоняют, придравшись к какому-

* Только что появилось сообщение о введении фабричной инспекции в Тифлисской губернии, при чем правительство признало открыто, что к введению инспекции его побудили стачки тифлиских рабочих. Р е д.

нибудь пустяку, чтобы не выплачивать ему вознаграждение как неспособному к труду.

В паяльных отделениях нефтяных заводов рабочие хворают горловыми и грудными болезнями, так как воздух в этих мастерских насыщен парами разных кислот. В разливочных отделениях этих заводов у рабочих от керосина пухнут ноги и покрываются язвами. Климат здесь очень нездоровый, лихорадочный, сырой; здесь трудно найти рабочего, который не хворал бы лихорадкой и ревматизмом. Несмотря на страшную жару летом, когда рабочие буквально обливаются потом, здесь ни на одном заводе нет кубов с кипяченой водой, и рабочие принуждены пить сырую, застаивающуюся в трубах воду. Вследствие этого здесь часты заболевания, а медицинская помощь поставлена очень плохо: ни на одном заводе нет больницы, и фельдшера обращаются с рабочими очень грубо.

На заводах здесь практикуется скрадывание рабочего времени и вычеты. Часто рабочие получают лишь половину заработанных денег: остальную половину вычитают за брак, хотя рабочие не виноваты, т. к. причинного плохого исполнения работы являются старые, испорченные машины. А у Манташева на заводе машины пускаются в ход на полчаса, на час раньше гудка. Заработная плата за последние годы здесь сильно понизилась. Десять лет назад на заводе Ротшильда работало 4000 чел. Рабочие получали по 2—3 р. в день. Теперь же, после ухудшения механизмов, ту же работу, даже в больших размерах, исполняют 1500 чел. За эти 10 лет 2500 чел. было выброшено на улицу, а заработная плата понижена до 60 коп. в день. Теперь мы зарабатываем лишь на хлеб и на воду, чтобы только не умереть с голоду, чтобы быть в состоянии создавать не для себя — для других богатства... Тяжело так жить, и невольно является вопрос: зачем мы так страдаем? Жизнь наша лишена всякой радости, она лишь сплошной путь к могиле. Так не лучше ли нам умереть не за станками и не рабами, а умереть, борясь за свободу, за лучшее будущее!..

Нижний-Новгород. На механическом зав. Константинова была стачка 160 чел. из-за неаккуратной выдачи платы. Рабочие, забастовав, вызвали фабричного инспектора, и последний заставил хозяина удовлетворить их требования. По этому поводу распространены на заводе листки, в которых, по выражению рабочих, «всем досталось: и механику, и инспектору, и до самого царя добрались». Рабочие на этом заводе народ серый, малограмотный, из окрестных деревень. Тем не менее он с жадностью набросился на листки. Все их одобряли и ждали новых. Появились и новые — там говорилось вообще о способах борьбы и о майской демонстрации. После того еще раз были распространены прокламации. Листки попадают и к крестьянам, и те говорят: «все верно».

В Нижнем масса безработных. На Сорновском заводе постепенно понижают расценки.

ИЗ ПАРТИИ

Мы получили следующее письмо в редакцию:

«Касаясь вопроса об агитации (если не ошибаюсь, в № 13), „Искра“ высказывается против летучей, агитационной литературы (брошюры в два-три листика) на политические темы. Такая литература, по мнению редакции, с успехом заменяется газетами. Газеты, конечно, — дело хорошее. Против этого никто и спорить не будет. Но могут ли они заменить такие летучие листки, специальное предназначение которых — широкое распространение среди масс? В редакции уже имеется одно письмо из России, в котором группа рабочих-агитаторов высказывается по этому вопросу. Ответ „Искры“ на это письмо — очевидное недоразумение. Вопрос об агитации так же теперь важен, как и вопрос о демонстрациях. Поэтому желательно, чтобы редакция сызнова подняла бы его и на этот раз отнеслась бы к нему более внимательно.

Ч и т а т е л ь.

Кто даст себе труд внимательно перечитать, на-ряду с этим письмом, наш ответ «рабочим с юга» в № 13 «Искры», тот легко убедится, что в очевидное недоразумение впал именно автор письма. О том, чтобы «Искра» высказалась «против летучей агитационной литературы», не было и речи; «замена» газетою «летучих листов» никому и в голову не приходила. Автор письма не заметил, что летучие листки — это и есть прокламации. Что такой род литературы, как прокламации, ничем незаменим и всегда будет безусловно нужен, — в этом и «рабочие с юга» и «Искра» были вполне согласны. Но они были согласны и в том, что этого рода литературы недостаточно. Если мы говорим о хорошем жилище для рабочих, соглашаясь, что хорошей пищи им недостаточно, то это наверное не значит, чтобы мы были «против» хорошей пищи. Спрашивается, каков же более высокий вид агитационной литературы? «Рабочие с юга», поставив этот вопрос, ни словом не упомянули о газете. Это умолчание могло, конечно, зависеть от местных условий, и, нисколько не думая «спорить» с нашими корреспондентами, мы не могли, естественно, не напомнить им, что пролетариат тоже должен поставить свою газету, как сделали уже другие классы населения; — что недостаточно одной раздробленной работы, а необходима регулярная, активная, общая работа всех местностей над революционным органом.

Что же касается «брошюр в 3—4 стр.», то мы и «против» них отнюдь не высказались, а только усомнились в практической плана создать из них регулярную литературу, распространяемую «одновременно по всей России». При объеме в 3—4 страницы это будет, в сущности, те же прокламации. Мы имеем со всех концов России много очень хороших и нисколько не тяжелых прокламаций, и студенческих и рабочих, которые равняются даже 6—8 стран. малого формата. А действительно популярная брошюра, способная разъяснить даже совсем неподготовленному рабочему хоть какой-нибудь отдельный вопрос, будет, наверное, гораздо больше объемом, и распространять ее «одновременно по всей России» не будет ни возможности, ни надобности (в виду ее невременного значения). Вполне признавая все и всякие, старые и новые, виды политической литературы, будь это только действительно хорошая политическая литература, мы бы, с своей стороны, советовали работать не над выдумкой среднего типа между летучими листками и популярной брошюрой, а над революционным органом, заслуживающим на деле название периодического (т. е. выходящего не раз в месяц, а по меньшей мере два-четыре раза в месяц) и общерусского.

Нам пишут:

«Идея навстречу нуждам революционной партии, „Искра“ в № 14 поместила статью „О демонстрациях“. Одно место этой статьи, однако, может подать повод, вследствие своей неопределенности, к очень печальным недоразумениям. Я имею в виду ту часть, которая говорит о необходимости „отпора“. Что понимает редакция под этим словом? Среди революционеров раздаются теперь голоса, что демонстрации должны быть вооруженными. То ли разумеет редакция под словом „отпор“? Если редакция думает, что на демонстрации не следует являться с голыми руками, а с палками и кистенями, так это само собою понятно, и до сих пор так и делалось. Разъяснения тем более необходимы, что сторонники вооруженного отпора мотивируют свое мнение приблизительно так же, как и автор статьи „О демонстрациях“. — Просим поэтому редакцию обратить внимание на настоящее письмо и ответить».

Читатель.

В статье, о которой говорит автор письма, прежде всего настоятельно подчеркивается необходимость придать демонстрациям массовый характер, и все советы относительно организации сопротивления имели в виду наличность массы демонстрантов. Участникам демонстрации, если их соберется, скажем, всего несколько сот

человек, мы не можем преподавать никаких советов об организации сопротивления: последнее, вообще, будет бесплодно, и при желании властей демонстрация превратится в зрелище избиения демонстрантов.

Другое дело — демонстрация, в которой приняли участие массы. В этом случае хорошая организация и подготовка демонстрации может содействовать тому, чтобы отпор демонстрантов насилием полиции и солдат, без которых никогда не обходится дело, был не беспорядочным и не безуспешным. Но организация отпора полицейскому насилию не означает вовсе провоцирование солдат на стрельбу. Подготовить отпор — это значит: организовать известную часть демонстрантов так, чтобы она могла во время столкновения с полицией влиять на всю толпу, удерживая ее как от беспорядочного бегства, так и от отчаянных вспышек, могущих сделать неизбежным кровопролитие, и тем самым удесятерять значение кистеней, палок, и т. п. как оборонительного оружия. Задача организаторов и руководителей демонстрации — не дать торжествовать усмирителям, т. е. не допустить, чтобы правительственная расправа с демонстрантами вызвала в массах панику. Этот нежелательный результат может быть достигнут точно так же неорганизованностью отпора со стороны демонстрантов, как и несвоевременным употреблением с их стороны такого сильного средства самозащиты, каким является вооруженное сопротивление. К последнему мы могли бы призывать только в том случае, если бы были уверены, что находимся непосредственно «накануне революции», что организованное сражение народа с войсками должно превратиться в народное восстание. Как показывает наша статья в № 14, мы не считаем рациональной тактику, основанную целиком на такой надежде. Мы думаем, напротив, что нам надо еще много и много поработать для того, чтобы иметь право на такую надежду. Между прочим, нам надо еще воспитать массу демонстрациями, подготовить ее к действиям на улице, и ставить на карту будущность демонстрационного движения, рискуя своей опрометчивостью вызвать бойню, которой можно избежать, нам во всяком случае не приходится.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В Петербурге у одного кадета морского корпуса нашли «Искру» и исключили из училища.

В Николаеве 21 января были аресты; взято три рабочих и один интеллигент.

В с. Васильевском близ Ив.-Вознесенска на рождестве были аресты и обыски.

В Н.-Новгороде аресты продолжаются. Взяты: портной Орлов, студент и вольноопределяющийся Моисевы и чертежник Матвеев. У вольноопределяющихся производятся обыски. Им воспрещено жить на частных квартирах.

Помещик Бонч-Осмоловский сослан в Вост. Сиб. на 4 г.

Сссррр. Просим сообщить новый адрес для писем.

307н. Не имели от вас ни писем ни корреспонденций; почти все листки (кроме чайных) не получены: усердно просим прислать все, что имеете. Просим вашему сочувствию придать более реальное выражение. Неправильность переписки приносит ущерб нам и вам. Не может ли чего сообщить о своем родном городе ваш новый товарищ. Получили от Л. Х. Ч. краткое сообщение о вас; желаем вам успеха. Не забывайте же нас!

Из Волжской столицы — 60 р., оттуда же «от иностранца» 100 р., «с Воли» 140 руб.

Из Цюриха 28 франков, из Льежа 106 фр. 30 сант.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. Стахович, М. А. — орловский губернский предводитель дворянства, представитель умеренно-либеральных земских кругов, участник земских съездов, состоял членом их правого крыла. В 1905—1907 гг. он колеблется между октябризмом и мирнообновленчеством. После Февральской революции 1917 г. был назначен Временным Правительством генерал-губернатором в Финляндии.

Прим. 2. Левитский, Н. В. (См. прим. 6-е к № 14 «Искры»).

Прим. 3. Шульце-Делич (1808 — 1883) — германский экономист, идеолог мелкой буржуазии, проповедывавший примирение классов, стремившийся в своей политической деятельности, в качестве члена германской прогрессивной партии, подчинить рабочие массы влиянию буржуазии. После революции 18'8 г., когда он был членом Прусского Национального Собрания, он отдался делу организации кредитных товариществ, с помощью которых он стремился отвлечь рабочих от революционной борьбы с капитализмом.
